

РЕМ КАЗАНДЖЯН

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ МОСКОВСКОГО РУССКО— ТУРЕЦКОГО ДОГОВОРА 1921 г.

Имеющий судьбоносное значение не только для России, но и в еще большей степени для Армении московский Русско—турецкий договор 1921 г. и предшествующие его подписанию переговоры были в последнее десятилетие предметом противоречивых оценок и всевозможных политических инсинуаций, чему причиной отчасти была засекреченность многих документов и, в частности, внутренней переписки В.И.Ленина, И.В.Сталина, Л.Д.Троцкого, Г.В.Чичерина и др. по данному вопросу.

Абсолютно не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы, настоящая статья имеет целью дать оценку Договору исходя из выявленных в последние годы новых документов из некогда закрытых, строго секретных архивных фондов бывшего СССР.

УСТАНОВЛЕНИЕ в Армении Советской власти (29 ноября — 2 декабря 1920 г.) коренным образом изменило отношение к ней РСФСР и в связи с этим — русско—турецкие отношения того времени: в первом случае Армения перестала быть союзницей Антанты и становилась составной частью возглавляемого Россией единого советского пространства, во втором — Турция к тому времени все больше отходила от РСФСР к Антанте, о чем было известно советскому руководству. “Можно ли считать, что кемалисты пока еще не отошли от нас к Антанте... ..разоблачайте двуличие кемалистов”, — говорилось в шифровке Ленина и Сталина по поручению Политбюро ЦК РКП(б) Г.К.Орджоникидзе для представителя РСФСР в Турции Буду Мдивани от 30 ноября 1920 г. после обмена мнением по данному вопросу между Л.Б.Каме-

невым, В.И. Лениным, И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким¹. “Советизация Армении совершенно меняет положение. Понимают ли это турки”, — телеграфировал Чичерин Орджоникидзе 4 декабря того же года². То же содержалось и в директивах НКВД Буду Мдивани от 5 декабря: “Советизация Армении заставляет в значительной мере изменить позицию. Укажите туркам, что... желательно в их же интересах оказать поддержку советской власти в Армении соблюдением умеренной и дружественной линии по отношению к ней. (...) В случае выполнения турками вышеуказанных условий, наше командование на Кавказе будет продолжать выдавать оружие, также им будет постепенно выдаваться золото”³. (Здесь и ниже подчеркивания в тексте документов произведены нами — Р.К.). О позиции российского руководства в данном вопросе свидетельствует также телеграмма Чичерина Орджоникидзе за февраль 1921 г., в которой запрашивалось, “говорил ли... (Мдивани — Р.К.) с Ангорским правительством о необходимости радикально изменить тактику турок относительно Советской Армении”, отметив при этом, что правительство РСФСР “относится к этому в высшей степени серьезно”⁴.

Исходя из данной концепции, основными аспектами советско-кемалистских отношений в рассматриваемый период, требующими неотложного решения, были “удержать их (турок — Р.К.) от завоевания оставшейся еще незанятой части Армении”, обязать их “отодвинуть войска” и “признать независимость Армении”, что подтверждается целым рядом документов того времени⁵.

Кстати, еще в начале октября 1920 г. — в период турецкого наступления на буржуазную Армению — и не имея еще достаточных сведений о задачах последнего (как известно, турки шли под лозунгами установления в Армении Советской власти и сближения с РСФСР), российское руководство не исключало возможность своего вмешательства на стороне Армении. “Пока турки не продвигаются в глубь Армении, пока турки остаются на линии Сарыкамыш—Шахтахты”, нет особенного (повода) для вмешательства, но если они пойдут дальше, придется что-нибудь сделать”, — говорилось в директивах НКВД полномочному представителю РСФСР в Армении

Б.В.Леграну, и далее — “Армения за последнее время все больше превращается в орудие наступательной политики Антанты, но мы не можем позволить (туркам — Р.К.) ее раздавить”⁷.

Однако в дальнейшем, когда правительство Первой республики не разрешило ввести на границу с Турцией советские войска, против которых турки не посмели бы воевать, и после того, как вследствие этого последние оккупировали бо́льшую часть Русской Армении, заключив, к тому же, 2 декабря 1920 г. с буржуазной Арменией Александропольский договор, узаконивающий захват земель бывшей Российской империи, — в этих условиях, после 7 лет мировой и гражданской войн, в обстановке экономической разрухи, когда мир с Польшей еще не был подписан и грозил рухнуть, РСФСР не могла силою оружия отвоевывать у турок захваченные теми территории, что для нее было чревато непосильными военными осложнениями, и была вынуждена уповать на решение территориальных вопросов на конференции в Москве. Кроме того, была опасность, что, как отмечал Чичерин в письме к Ленину от 23 декабря 1920 г., “если мы (т.е. РСФСР—Р.К.) оттолкнем турок, они бросятся в объятия Антанты и в политику... компенсаций на Кавказе по образцу турецкой политики 1918 года”⁸. Поэтому в этот период, наряду с указанными выше задачами, правительство РСФСР было вынуждено ограничиваться требованиями, “чтобы турки не только не продвигались далее по территории Армении, но даже отодвинули войска до Арпачая”, соглашаясь при этом на “пребывание турок в Карсской области временно, впредь до разрешения территориальных вопросов с Арменией”⁹. В советской ноте Турции от 19 декабря того же года вновь подтверждалось, что “оккупация” ею во время войны с буржуазной Арменией “всех других пунктов, расположенных к северу и востоку от округа Карса... не должно предрешать окончательную турецко-армянскую границу”, и выдвигалось требование о “незамедлительном очищении (от турецких войск — Р.К.) Александропольского округа”¹⁰. “Мы могли бы сделать больше только в том случае, если бы было... возможным послать в Армению больше войск” (каковой возможности не было), — пояснял Г.В.Чиче-

рин ситуацию в письме В.И.Ленину от 14 декабря 1920 г.¹¹ Тем не менее, как подтверждает телеграмма Чичерина Сталину от 11 ноября и письмо в Политбюро ЦК РКП(б) от 30 ноября 1920 г., российское руководство было склонно в этот период вновь поставить перед турецкой стороной вопрос о передаче армянам "необходимой части турецкой Армении"¹². Более того, как явствует из переписки штаба Красной Армии с Чичериным, даже в марте 1921 г., в период русско-турецких переговоров в Москве, в советских высших руководящих кругах не исключали перспективу "наступления как на Карс, так и в направлении Ольты и Эрзерума" российских войск, "если Карс и плато перейдут к туркам"¹³.

Таким образом, установление в Армении Советской власти не могло не повлечь за собой изменение отношения России к ней в сторону более действенной защиты ее интересов¹⁴. Руководствуясь этим, а также соображениями, что "мирное соглашение с турками... одно только избавляет нас (т.е. РСФСР и закавказские республики — Р.К.) от вечных войн на Кавказе" со стороны Турции¹⁵, российское руководство уже в первые дни декабря 1920 г. направило кемалистам приглашение на вторую советско-турецкую конференцию для "разрешения территориальных и других вопросов"¹⁶. Аналогичные предложения оно по собственной инициативе направило также Армении и Азербайджану, о чем уведомило турецкую сторону как о свершившемся факте, не подлежащем пересмотру¹⁷ (Грузия к тому времени еще не входила в число советских республик, поэтому не была приглашена на конференцию). Одновременно РСФСР сообщила турецкому правительству, что "мир между Арменией и Турцией должен быть миром, **основанным на самоопределении народов**"¹⁸. После долгих препирательств, турецкая делегация прибыла в Москву на конференцию только 18 февраля 1921 г.—в самое неподходящее для России время, ввиду чего поначалу, по свидетельству Н.И.Бухарина, "нигде не могла добиться приема"¹⁹, что само по себе, думается, так же свидетельствует об уровне тогдашних советско-турецких отношений — далеко не столь "дружественных", как до сих пор ошибочно утверждается в

литературе²⁰. Тем же поездом в Москву для участия в конференции прибыли делегации Армении и Азербайджана.

Еще в начале декабря 1920 г., по получении приглашения на конференцию, Турция объявила, что вопрос об Александропольском договоре может быть "предметом возможных толков в Москве" только "при минимальном участии армян"²¹. Но уже в том же месяце официально заявила, что возвращение Армении каких-либо частей "турецких восточных провинций", под которыми имела в виду отошедшие к Турции по Александропольскому договору оккупированные ею территории, "ни в коем случае не могут быть ни рассматриваемыми, ни принятыми ангорским национальным правительством", и что "всякие требования и притязания сверх определенных и установленных границ, указанных в этом договоре, могут послужить только возобновлению (!—Р.К.) прежних распрей"²². По прибытии на конференцию турецкая делегация, по свидетельству Чичерина, "начала с неприкосновенности Национального пакта и Александропольского договора", что было расценено российским руководством как "непомерные притязания" и требование "передать Турции Батум и всю Армению, частью явно, частью прикрито", что, согласно тому же источнику, было "для нас совершенно неприемлемо"²³. Более того, правительство РСФСР, согласно документам того времени, даже "сначала не знало, приехала ли делегация (турок — Р.К.) заключать... союз или устраивать разрыв и готовить материалы против" России²⁴. Положение еще более осложнилось в связи с заявлением главы захватившего власть в столице Армении антисоветского "Комитета спасения Родины" о лишении(!) делегации АрмССР полномочий на ведение в Москве переговоров с турками, чем последние не преминули воспользоваться, категорически отказавшись сесть за стол переговоров с армянами²⁵. (По этой причине Азербайджан, по предложению РСФСР, тоже не участвовал в конференции, которая, таким образом, из четырехсторонней, как было задумано Москвой, превратилась в двухстороннюю—русско—турецкую). Турецкая делегация пыталась также не допустить рассмотрения на конференции территориальных вопросов, заявив, что "их (т.е. Турции—Р.К.) отношения к Грузии и Армении не

касаются" России²⁶. И вообще, как отмечал Б.В.Легран в письме Г.В.Чичерину от 22 декабря 1920 г., "туркам хотелось бы отстранить нас от непосредственной деятельности на Востоке"²⁷.

Все это, естественно, противоречило коренным интересам и планам РСФСР и не предвещало "легкую" жизнь "в духе братства и взаимопонимания" на предстоящей II Московской русско-турецкой конференции, открывшейся 26 февраля 1921 г. Тем более, что Чичерин в ноте турецкому правительству от 8 февраля того же года еще раз указал на точку зрения советского руководства о том, что "под территорией Великого Национального Собрания Турции подразумевается то пространство, на которое должна распространяться его власть на основании принципа о самоопределении народов"²⁸, и накануне открытия конференции в качестве программных установок российской делегации зачеркнул на своем экземпляре парафированных в августе 1920 г. статей будущего договора²⁹, подлежащих рассмотрению на предстоящих переговорах, слова "Под понятием Турция... понимаются те территории, которые входят в... Национальное Турецкое соглашение" (Национальный пакт) и напротив на полях написал: "Отвергаем"³⁰, несмотря на то, что, по признанию того же Чичерина, это могло иметь "крайне вредные последствия" для РСФСР, т.к. грозило "разрывом русско-турецкой конференции и немедленным отъездом турок...из-за (непринятия Россией-Р.К.) Национального пакта и Александропольского договора"³¹.

Таким образом, уже в самом начале московских переговоров выявились две диаметрально противоположные и взаимоисключающие позиции сторон по таким жизненно важным вопросам, как оккупированные Турцией в 1920 г. территории Ардагана, Карса и др. По свидетельству Чичерина, к 1 марта 1921 г. "отношения (советской стороны-Р.К.) к Турции достигли **крайне серьезного критического момента**", "**дошли до серьезного кризиса**"³². Но на этом борьба сторон за территории не прекратилась. "Все еще имеется расхождение с турками из-за линии границы,— констатировал Чичерин в телеграмме Буду Мдивани от 5 марта,— (...) Турки обнару-

живают крайнее упорство, мы же никак уступить не можем³³.

Положение еще более усугублялось вследствие параллельного ведения кемалистами переговоров не только с Москвой, но и со странами Антанты в Лондоне³⁴, что создавало определенную угрозу для закавказских советских республик (и, конечно же, в первую очередь, для Армении) и требовало оперативного решения российским руководством спорных вопросов с Турцией. "Ввиду ведущихся в Лондоне переговоров,— сообщал Г.В.Чичерин в письме в ЦК РКП(б) от 9 марта,— ...нам следует скорее с турками кончить...приняв их последнее предложение"³⁵. 10 марта, в день начала работы Политической комиссии конференции, Чичерин в письме к Ленину вновь напоминает, что "при вырабатываемом теперь договоре с Турцией нам во что бы то ни стало необходимо кончить немедленно"³⁶.

Все это не могло не сказаться крайне отрицательно на всем ходе русско-турецких переговоров в Москве, вследствие чего работа конференции после ее официального открытия 26 февраля фактически оказалась прерванной, и "лишь тогда,— отмечает Г.В.Чичерин в письме к Б.В.Леграну,— когда в результате ожесточенных споров... самого интенсивного характера мы условились об основном, то есть главным образом о границе, мы могли открыть политическую комиссию"³⁷. Вследствие этого только 10 марта удалось возобновить нормальную работу конференции. Было ясно, пишет Чичерин, что "каков бы ни был исход нынешней конференции, нам несомненно предстоит пройти через крайне трудный период наших отношений с Турцией"³⁸.

Из сказанного, таким образом, следует, что "уступка" (выражение Чичерина) Турции Ардагана, Сурмали и Карса, который, кстати, рассматривался российскими политиками как "ключ к Баку"³⁹, равно как южной части Батумской области, не входила в планы РСФСР и не исходила от нее, а была навязана ей силой обстоятельств Турцией и для России диктовалась необходимостью подписать с Турцией договор и тем самым оградить закавказские республики от турецкой агрессии. "Дело всякой Советской Республики есть наше (!—Р.К.)

дело,— говорилось в директивах Чичерина члену Реввоенсовета Кавказского фронта Г.К.Орджоникидзе от 18 января 1921 г. для передачи специальному представителю РСФСР в Турции Буду Мдивани,— и мы были бы неверны себе, если бы равнодушно смотрели на гибель братской Советской Республики⁴⁰. С другой стороны, в российских правящих кругах полагали, и не без оснований, что в вопросе Турции “территориальное разграничение необходимо для предотвращения войны” с ее стороны против закавказских республик и вообще Советской власти⁴¹.

Однако, в отличие от августа 1920 г., когда кемалистская Турция была изолирована и РСФСР, без страха за негативные для себя последствия, отказалась подписать с ней договор о дружбе по причине отказа последней передать буржуазной Армении часть занимаемой ею Турецкой Армении,— в новых условиях — ведения турками параллельных переговоров в Москве и Лондоне и слабости самой России после 7 лет участия в мировой и гражданской войнах и экономической разрухи⁴², РСФСР не могла, будучи ответственной за советизацию Армении, самоустраниться и не попытаться, пусть даже “за спиной армян”, устранить угрозу их жизни, ценой даже больших территориальных потерь. “Если турки для переговоров с нами (едут) в Москву, пусть едут скорее, но надо и Армении поскорее дать мирное состояние”, — телеграфировал Чичерин Орджоникидзе 8 декабря 1920 г.⁴³, когда тень лондонских переговоров кемалистов еще не нависла над закавказскими республиками и в первую очередь над Арменией. И именно этим следует объяснить факт рассмотрения на II Московской русско-турецкой конференции, по настоянию российской стороны, территориальных вопросов, когда армянская делегация по требованию турок не была допущена к переговорам: печальный опыт Брестского мира, когда оттяжка подписания договора обернулась для России потерей новых территорий, еще не был забыт.

Впрочем, если исходить из первого сообщения главы армянской делегации наркома иностранных дел АрмССР А.А.Бекзадяна от 18 марта 1921 г., после недопущения их к участию в переговорах “о ходе работы этой конференции...

мы извещались частным образом через Наркоминдел, военного эксперта РСФСР тов. Бобрищева, которого мы снабжали систематически материалами границ и всевозможных вариантов провидения этих границ между Арменией и Турцией⁴⁴. Однако позиция Турции и указанные выше обстоятельства не позволяли решать вопрос в ином плане, отличном от ее требований. "Теперь идет торг,— сообщал Чичерин Мдивани 4 марта 1921 г. — Мы отдаем Карс и Ардаган, но ни в коем случае не можем отдать Батум (речь таким образом идет об отказе от удерживаемых Турцией территорий, тогда как Батум еще не был занят ею, в силу чего его легче было отстаивать—Р.К.) и требуем 20-верстной полосы к западу от Александропольской желдороги и к югу от Аракса...Уступка Карса и Ардагана есть максимум возможного"⁴⁵. Днем позже Чичерин вновь телеграфирует Мдивани: "Они согласились только на 10-верстную полосу, окружающую Батум и идущую вдоль желдороги на север, что отдает в их руки шоссе, идущее от Батума на Ахалцых. Мы на это не согласились... Они, далее, требуют, чтобы граница шла по Арпачаю и по Араксу, чтобы пограничные блокгаузы были в 5-верстном расстоянии. Мы настаиваем на 20-верстной полосе для безопасности желдороги вдоль Арпачая и вдоль Аракса"⁴⁶. К 9 марта, наконец, удалось частично "уломать" турецкую делегацию. В тот же день в письме в ЦК РКП(б) Г.В.Чичерин сообщает, что турки теперь согласны, в частности, на следующие условия: "На запад от Александрополя граница (как было в Александропольском договоре) оставляет за советскими республиками весь угол с озером Арпгель (находится на территории современной Армении—Р.К.)...Дальше граница идет по Арпачаю и Араксу, но в тех участках, где Арпачай близко подходит к железной дороге, турки обязуются не держать войска в 8-верстном расстоянии от границы"⁴⁷. Россия, в свою очередь, обязывалась "признать принципы Национального пакта Турции", но "с оговоркой о границе"⁴⁸, что в то время имело весьма существенное значение для Армении и Грузии, так как в соответствии с Национальным пактом Турция претендовала на бо́льшую террито-

рию, чем получала по Московскому советско—турецкому договору.

Наличие “Лондонского фактора” постоянно вынуждало правительство РСФСР идти не только на “уступки” Турции, но также на быстрое завершение переговоров и подписание с ней на любых условиях договора, который по настоянию турок был назван не только договором о “дружбе”, но и “братстве”⁴⁹. На поспешность, с которой приходилось вырабатывать текст советско—турецкого договора, указывает также записка Чичерина наркому юстиции РСФСР Д.И.Курскому от 10 марта 1920 г.: “Договор с Турцией по обстоятельствам момента приходится вырабатывать и заключать с лихорадочной быстротой. Нет времени долго обсуждать...Надо во что бы то ни стало кончить немедленно и предстать перед политическим миром с готовым текстом”⁵⁰. В тот же день в письме Ленину Чичерин вновь напоминает, что “при вырабатываемом теперь договоре с Турцией нам во что бы то ни стало необходимо кончить немедленно”, и далее — “При таких случаях, как заключение договора с турками, с которыми приходится много торговаться, каждое слово, каждая запятая являются результатом долгой борьбы. Никаких изменений в этих случаях нельзя вносить, не начиная всю историю сначала”⁵¹.

Но, как и в 1918 г. в Брест—Литовске, в марте 1921 г. в Москве турки продолжали выдвигать все новые и новые требования, одно из которых, в частности, касалось оккупированного ими Нахичеванского округа. Еще в первых числах марта, в целях отвоения его у турок, правительство РСФСР предложило план ректификации границы, при котором “... Нахичевань будет непосредственно зависеть от России”⁵², т.е. находиться в прямом подчинении Москвы. Однако турецкая делегация в качестве контрпроекта предложила статус “автономной области под протекторатом Азербайджана”, дополнив это требование “условием, чтобы Азербайджан не передавал этот протекторат другому лицу”⁵³, под которым подразумевалась Армения. Поскольку указанное требование турок, согласно докладной Чичерина в ЦК РКП(б) от 10 марта, было “непременным условием соглашения с Турцией” (!), а дого-

вор надо было во что бы то ни стало подписывать во избежание худшего, советская сторона, по свидетельству Чичерина, была вынуждена **“поэтому”** его **“принять”**⁵⁴.

Однако борьба за Нахичевань на этом не кончилась: как явствует из протокола второго заседания (12 марта) Политкомиссии конференции, **“российская делегация указывает, что (предложенная турками — Р.К.) граница между Нахичеванью и Арменией могла бы считаться временной (!—Р.К.). Если впоследствии при непосредственных переговорах между этими двумя государствами (Азербайджаном и Арменией—Р.К.) были бы установлены какие-либо изменения (!—Р.К.), то эти изменения не должны быть рассмотрены как нарушение принятых на себя Азербайджаном обязательств — не уступать своего протектората”,** на что турецкая сторона ответила, что **“вопрос является весьма важным для безопасности восточной границы Турции (?! — Р.К.)”,** ввиду чего **“он должен получить окончательное разрешение, с исключением возможности каких бы то ни было переговоров по этому поводу между Арменией и Азербайджаном”**⁵⁵. В связи с этим российская делегация на заседании заявила, что **“в таком случае надлежит придерживаться границы, которую прежде требовал сам Азербайджан”,** так как установленная турецкими экспертами граница между Нахичеванским округом и Арменией **“превышает (!—Р.К.) максимум требований Азербайджана”,** на что турки ответили категорическим отказом⁵⁶. Турки также потребовали, чтобы **“округ Шаруро—Даралагыз (был) отнесен к территории Нахичевани”,** а граница **“в спорной (?! — Р.К.) части Эриванского округа”** была бы **“предметом ратификации со стороны смешанной комиссии в составе армянского, азербайджанского и турецкого представителей”**⁵⁷ (заметим, без России!). Одновременно турки потребовали в качестве **непременных условий к подписанию ими договора** предоставление им **письменных гарантий о помощи оружием и деньгами.** **“Договор с Турцией почти закончен,—** сообщал Г.В.Чичерин представителю РСФСР в Турции Буду Мдивани 14 марта 1921 г.,— **(...). Остается камень преткновения: они требуют письменного обязательства относительно помощи деньгами и оружием. Мы даем только устное обещание”**⁵⁸. По этой причи-

не подписание Московского русско—турецкого договора 1921 г., как явствует из письма Г.В.Чичерина В.И.Ленину от 17 марта того же года, состоялось не 16 марта, как указывается в тексте самого договора, а 18 марта, задним числом⁵⁹: “договор подпишем завтра вечером”, писал Чичерин 17 марта, но он “будет датирован 16, когда мы еще не знаем о подписании Красиным договора с Англией”⁶⁰. В тот же день, 18 марта вечером, Чичерин специальной запиской известил главу армянской делегации Бекзадяна, что “договор подписан”⁶¹.

То обстоятельство, что в 1921 году Турция всячески оттягивала подписание русско—турецкого договора, определившего нынешнюю армяно—турецкую границу, пока не получила заверения России о помощи ей оружием и деньгами,— данный факт еще раз подтверждает, насколько сложно протекали переговоры в Москве и что никто не “дарил” и не “отдавал” туркам армянские территории: в силу сложившихся факторов они к ним “отошли” (слово, употребляемое применительно к Московскому русско—турецкому договору 1921 г. в большинстве официальных справочников⁶²). По существу, для России эти переговоры явились вторым Брестом, когда противная сторона диктовала ей свои условия⁶³. Немалую роль в этом сыграло также то обстоятельство, что к тому времени положение РСФСР, по признанию главы ее правительства, “ухудшилось и во внутреннем и в международном отношении”, что вынуждало российское руководство в переговорах с другими странами, к числу которых следует отнести и Турцию, “пойти на некоторые уступки не потому, что считали это справедливым, а потому, что считали важным делом сорвать интриги... империалистов Антанты, больше всего стремящихся не допустить мира”⁶⁴. “Во всех последних наших договорах,— разъяснял Г.В.Чичерин позицию российского правительства в письме Б.В.Леграну от 8 июля 1921 г.,— мы по отношению к отдельным местностям нарушали этот принцип (право наций на самоопределение—Р.К.). Мы отдали Эстонии чисто русский кусочек, мы отдали Финляндии Печенгу, где население этого упорно не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче ее Латвии, мы отдали чисто белорусские местности Польше. Все это связано с тем, что при нынешнем общем положении,

при борьбе Советской Республики с капиталистическим окружением верховным принципом является самосохранение Советской Республики... Ради этого верховного принципа приходится идти на переговоры с буржуазными государствами, в которых наши принципы не осуществляются"⁶⁵.

Более того, даже после подписания русско-турецкого договора шла упорная борьба за освобождение оккупированных турками армянских земель, признанных по Московскому договору за Арменией. **"Надо категорически потребовать немедленного удаления турецких войск из территорий, лежащих вне нашего договора, а то придется выбивать их силой (!—Р.К.), будет фактическая война"**⁶⁶, — телеграфировал Чичерин 19 марта, на второй день после подписания указанного договора, советскому представителю в Турции. 4 марта директива была повторена: **"Надо потребовать от турок немедленного очищения Александрополя и всей армянской территории до границ Московского договора"**⁶⁷. Спустя два дня турецкой стороне было официально заявлено, что **"война между Турцией и Советской Арменией будет означать войну между Турцией и Советской Россией"**⁶⁸, а еще через несколько дней Г.К.Орджоникидзе предписывалось: **"Первое. Александрополь должен быть очищен (от турецких войск — Р.К.) не мытьем, так катаньем"**⁶⁹, т.е. любой ценой. 7 апреля в директивах Мдивани Чичерин вновь повторил угрозу в адрес турок: **"Карабекир отказывается очистить Александрополь. (...) Укажите туркам на роковые последствия столкновений (с советскими войсками — Р.К.) и на то, что война с одной из Советских Республик (имеется в виду Армения — Р.К.) означала бы войну с нами. Надо во что бы то ни стало избежать этого результата, а для этого необходим немедленный уход турок из Александрополя"**⁷⁰. Одновременно были предприняты шаги к предотвращению попыток Турции заключить договора с Азербайджаном и Грузией в ущерб интересам Армении⁷¹.

Безусловно, в деятельности тогдашних советских руководителей было немало ошибок и досадных промахов, связанных, в том числе, и с пресловутыми планами мировой революции и другими прожеками (к сожалению, рамки одной

статьи не позволяют остановиться на них), и дальнейшее изучение архивов, думается, еще откроет немало неизвестного и интересного. Однако одно бесспорно — не было в их деятельности (и не могло быть!) “армянофобства”, планов “уничтожения” Армении, “предательства” и “игнорирования” интересов армянского народа, “совместных русско—турецких действий” против него, отказа от армянских территорий ради “спасения” Турции или “мировой революции” и т.д. и т.п.; и уж, конечно, ве’рхом глупости следует считать утверждение, будто “большевистское правительство России отдало Турции Карс, Ардаган, Эрзрум за чистую работу по истреблению армян” (!) или что Сталин отстранил Чичерина от переговоров с Турцией. Несостоятельность этих концепций полностью опровергается трудами многих ученых⁷² и не требует дополнительной аргументации.

И в заключении хотелось бы остановиться на вопросе о роли Сталина в рассматриваемых событиях (не затрагивая его деятельность в целом). Обычно в подобных случаях ссылаются на его записку на имя Ленина от 12 февраля 1921 г. с выражением возмущения по поводу того, что “Чичерин... послал когда-то туркам дурацкое и (провокационное) требование об очищении Вана, Муша и Битлиса... в пользу Армении”, назвав его “армяно—империалистическим требованием”⁷³ (по всей вероятности, по аналогии с требованием стран, подписавшихся под Севрским договором). Однако еще до Сталина подобную точку зрения высказывали Буду Мдивани в телеграмме от 20 января 1921 г. и Орджоникидзе в депеше от 9 февраля того же года. В первом случае адресант утверждал: “Считаю, видя турецкие настроения, нерасчетливым шагом требование Вана и Муша. Турки нарочно не будут уходить из Александрополя, чтобы иметь предмет торговли на конференции (имеются в виду предстоящие переговоры в Москве — Р.К.) в ответ на Ван и Муш, и кто разумно хочет ухода турок из Алек[сандроп]оля, тот не должен заикаться о Ване и Муше”⁷⁴. Во втором случае автор сообщал российскому руководству, что “требование Чичерина Муша — Вана — Битлиса сразу же усилило (в Турции—Р.К.) сторонников Антанты, и Мустафа Кемаль стал искать пути сближения с Константинополем—Антан-

той", в связи с чем предупреждал, что "все подобного характера требования должны быть сняты и должен быть заключен договор, ...чтобы наши противники сразу были лишены возможности провоцировать"⁷⁵. Из сказанного, таким образом, следует, что высказанная Сталиным и другими точка зрения имеет иное основание и смысл — противоположные тому, которые приводятся в современной литературе и периодической печати. Тем более, что в этот период в донесениях советских представителей из Турции и Великобритании отмечалось, что существует реальная "опасность соглашения Антанты с Турцией", и не исключалось, что "кемаписты осторожно строят мостик возможного перехода в лагерь Антанты или, по крайней мере, разрыв с СовРоссией"⁷⁶, что было чревато далеко идущими негативными последствиями как для закавказских советских республик, так и для РСФСР.

REM GHAZANDJYAN

ON THE ESTIMATION OF THE MOSCOW RUSSIAN-TURKISH AGREEMENT, 1921

The history of concealed fight between Russia and Turkey for signing Russian — Turkish agreement in 1921 (each of the Parts seeking for benefit) is discovered on the base of numerous newly revealed documents from x-rated archives of the previous Soviet Union in particular internal secret correspondence between the Soviet leaders.

Besides, a number of documents with the reference to the time is represented confirming the fact of signing the above mentioned agreement not exactly on March 16 but a few days later and antedated in order not to have a conflict in Russia — English relations.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, бывш. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС), ф. 558, оп. 2, д. 82, л. 1.
2. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 49, л. 3.
3. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 278.
4. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 111, л. 1.
5. Российский государственный военный архив (РГВА, бывш. ЦГАСА), ф. 1284, оп. 1, д. 203, л. 84, РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2055, л. 33; оп. 2, д. 314, л. 68; ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 278; ф. 85, оп. 14, д. 26, л. 6; д. 49, лл. 10—11; д. 111, л. 1; оп. 15, д. 21, лл. 1—2; ф. 558, оп. 1, д. 3316, л. 1;

Документы внешней политики СССР, Т. III, М., 1959, с. 364–365, 371–372, 374 и др.

6. Летом 1920 г., в связи с подписанием РСФСР с Арменией Соглашения от 10 августа, первая оказалась, по определению Чичерина, “герметически отделенной” от Турции, что “делало невозможным” “всякий контакт” с ней советской республики, т.к. правительство Армении отказало РСФСР в транзите через ее территорию. Поскольку данное обстоятельство ставило под угрозу кемалистское движение и политику России на Востоке, последняя согласилась с предложением Турции о временном занятии турецкими войсками полосы Сарыкамыш–Шахтахты — “приблизительно пограничной” и “не угрожающей независимости Армении”, как полагали в Москве (РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, лл. 158, 173–174).
7. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 284; ф. 85, оп. 14, д. 17, л. 1.
8. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2055, л. 35.
9. РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 21, л. 278. См. также Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) МИД РФ (бывш. АВП СССР), ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 23, л. 78; ф. 0209, оп. 1, п. 1, д. 10, л. 104.
10. Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 392–393, 395; РГАСПИ, ф. 85, оп. 15, д. 25, лл. 2–6. См. также: АВП РФ, ф. 0207, оп. 1, п. 1, д. 3, л. 5.
11. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2055, л. 33. Фрагмент документа впервые был опубликован в 1967 г. Г.А.Галояном (см. “Լեւինյանի քննիւմ” Ереван, 1967, № 7, с. 76, на арм. яз. На языке оригинала см. его же. “Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье”. Ереван, 1969, с. 385).
12. АВП РФ, ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 23, л. 78; РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 314, л. 68. См. также: Документы внешней политики СССР, т. III, с. 397–398; РГАСПИ, ф. 85, оп. 15, д. 25, лл. 2–6.
13. АВП РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 52987, л. 21. Данный документ был предоставлен нам А.Г.Авакяном, которому выражаем нашу искреннюю благодарность.
14. См. Центральный государственный архив новейшей истории Республики Армения (ЦГАНИ РА), ф. 114, оп. 1, д. 31, лл. 68, 69–72.
15. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 151. См. также т. 42, с. 133; т. 43, с. 68.
16. Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 364–365, 371.
17. Там же, с. 372, 391.
18. Там же, с. 392.
19. РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 24503, л. 1 об.
20. Как отмечал Г.В.Чичерин в своей речи на XIV съезде ВКП(б) (1925 г.), впервые опубликованной лишь в 1991 г., “если бы мы (т.е. РСФСР–Р.К.) не поддерживали национального движения в Турции, Англия была бы у ворот Кавказа” и далее—“...даже если оставить в стороне конечные перспективы нашей политики, наше правительство в интересах безопасности (России — Р.К.) не могло не поддерживать национального движения в Турции” (“Кентавр”. М., 1991, октябрь–декабрь, с. 122–

- 123). В феврале 1926 г. в интервью английской газете "Манчестер Гардиан" Чичерин вновь повторил, что наше тогдашнее сближение с национальной Турцией было и для последней и для нас актом самосохранения" (Документы внешней политики СССР. Т. IX, М., 1964, с. 116). Сказанное, однако, еще не означает, что эти отношения были "дружественными", а тем более "братскими". Подробно об антикемалистской политике правительства РСФСР см.: Рем Казанджян. Большевики и младотурки. 1920—1922. М., 1996; то же, 2-е значит. доп. издание на арм. яз. — Ереван, 1998, а также нашу статью в альманахе Университета им. Ачаряна "Հայկական հարց", вып. 1, Ереван, 2000, с. 146—153.
21. АВП РФ, ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 31, лл. 6—8; РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 50, л. 6; оп. 15, д. 25, лл. 2—6; Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 397—398.
22. Цит. по: Г.А.Аветисян и др. История Армении. Ереван, 1999, с. 217; то же — г. "Новое время", Ереван, 2001, 21 марта.
23. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 1, а также оп. 2, д. 315, л. 20.
24. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 1.
25. ЦГАНИ РА, ф. 114, оп. 2, д. 68, лл. 25—26.
26. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 1.
27. Цит. по: Г.А.Аветисян. А был ли повод рисковать? — г. "Новое время", 2001, 17 января.
28. АВП РФ, ф. 132, оп. 4, п. 1, д. 1, лл. 26—27; опубли.: Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 513. Ср.: Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. 3, М., 1933, с. 251—255.
29. В литературе последних лет ошибочно утверждается, будто 24 августа 1920 г. в Москве был парафирован текст русско-турецкого договора. Как явствует из примечаний к тому III "Документов внешней политики СССР" (М., 1959, с. 667, прим. № 26), был парафирован не сам договор, который в тот период еще не был готов, а лишь проект его согласованных статей, не имеющий никакой юридической силы и ни к чему не обязывающий стороны. О процедуре подготовки первого русско-турецкого договора см. нашу публикацию в г. "Голос Армении", Ереван, 2001, 26 апреля — письмо Г.В.Чичерина В.И.Ленину от 10 марта 1921 г.
30. РГАСПИ, ф. 159, оп. 1, д. 23, лл. 3—4.
31. РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 315, лл. 20—21.
32. Там же.
33. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 3.
34. По вопросу Лондонской конференции см.: Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван. 1991, с. 217; Է.Ա.Զոհրաբյան, Սովետական Պաշտպանության և հայ-թուրքական հարաբերությունները. Երևան, 1979; Р.Г.Саакян. Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918—1923 гг. Ереван, 1986; г. "Երկիր", Ереван, 1994, 4 марта.
35. АВП РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 28.

36. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2056, лл. 6–7; АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, лл. 29–30.
37. Цит. по документу, опубликованному в г. "Голос Армении", 2001, 15 марта. Документ аналогичного содержания был направлен также С.М.Тер-Габриеляну, см.: Գ.Ա.Գալստյան, Հայաստանը և Մեծ տերությունները, Երևան, 1999, с. 456–458.
38. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 315, л. 20.
39. АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 6. См. также Г.А.Галоян. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. Ереван, 1969, с. 381–382.
40. Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 479.
41. Документы внешней политики СССР, Т. IV, М., 1960, с. 11.
42. На "кризис, переживаемый Совроссией в данный момент, дающий себя чувствовать во всех областях, но имеющий своим основным источником хозяйственную разруху, которую изо всех сил стараются использовать контрреволюционные силы", указывается также в резолюции Московской организации враждебной большевикам партии анархо-универсалистов (интериндивидуалистов) от 6 марта 1921 г. (Центральный государственный архив документов общественных и политических организаций Республики Армения (ЦГАДОПО РА), ф. 4033, оп. 5, д. 567, л. 1). По данному вопросу см. также: ЦГАНИ РА, ф. 114, оп. 2, д. 68, лл. 25–26; В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 68.
43. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 49, лл. 10–11.
44. ЦГАНИ РА, ф. 114, оп. 2, д. 68, лл. 25–26.
45. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 1–2.
46. Там же, л. 3.
47. АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 28.
48. РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 315, л. 30.
49. Там же.
50. АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 33.
51. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2056, лл. 6–7; АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, лл. 29–30.
52. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 1.
53. АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 36; РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 315, л. 24; ЦГАНИ РА, ф. 113, оп. 3, д. 17, лл. 18, 19.
54. АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 36; РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 315, л. 24.
55. АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 12, лл. 48–56; ЦГАНИ РА, ф. 113, оп. 3, д. 21, лл. 54–55.
56. Там же.
57. Там же.
58. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 6.
59. АВР РФ, ф. 04, оп. 39, п. 232, д. 53001, л. 44. Полный текст письма Г.В.Чичерина В.И.Ленину от 17 марта 1921 г. см. в нашей публикации "К вопросу о датировке Московского советско-турецкого договора 1921 года". — "Вестник общественных наук" НАН РА, Ереван, 1999, № 1, с.

- 183–187. Перепечатано с данного издания в переводе на армянский язык: г. «Հայաստանի Հանրապետություն», Ереван, 1999, 18 ноября.
60. Речь идет о торговом соглашении с Англией от 16 марта 1921 г., согласно которому правительство РСФСР должно было «воздерживаться от всякой попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды, какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам или Британской Империи действиям в какой бы то ни было форме» (Документы внешней политики СССР, Т. III, с. 608).
 61. АВП РФ, ф. 148, оп. 3, п. 2, д. 7, л. 4. То обстоятельство, что Бекзадян в своей докладной от 18 марта 1921 г. (ЦГАНИ РА, ф. 114, оп. 2, д. 68, лл. 25–26) ничего не говорит о подписании Московского договора, обусловлено тем, что последний был заключен вечером 18 марта, а докладная написана днем того же дня, и что дата подписания договора, по указанным выше причинам, держалась в строгом секрете.
 62. СИЭ, т. 13, М., 1971, стлб. 168; Дипломатический словарь. Изд. 4-е, перераб. и доп., т. III, М., 1986, с. 313.
 63. По мнению акад. Г.А.Галояна, «в действительности договор от 16 марта был крупной победой не большевистской России, а кемалистской Турции» (Գ.Ա.Գալոյան, Հայաստանը և Մեծ տերությունները, Երևան, 1999, с. 455), с чем нельзя не согласиться.
 64. В.И.Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, с. 348, 355.
 65. АВП РФ, ф. 04, оп. 51, п. 321-а, д. 54877, л. 21.
 66. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 8.
 67. Там же, л. 13.
 68. Документы внешней политики СССР. Т. IV, с. 50. См. также РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 14.
 69. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 2076, л. 1.
 70. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117, л. 14.
 71. АВП РФ, ф. 0148, оп. 4, п. 4, д. 31, лл. 104–108.
 72. О ходе рассмотрения на II Московской русско-турецкой конференции территориальных вопросов см. также: Г.А.Аветисян и др. История Армении, Ереван, 1999, с. 217–221; Գ.Ա.Գալոյան, Հայաստանը և Մեծ տերությունները, Երևան, 1999, с. 440–467; Э.А.Зограбян. Территориально-разграничительные вопросы на второй Московской русско-турецкой конференции. — «Вестник общественных наук» АН АрмССР, Ереван, 1989, № 2, с. 3–16; А.Н.Хейфец. Советская дипломатия и страны Востока, М., 1968, с. 105–118.
 73. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5214, л. 1 об.
 74. РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 106, лл. 1–2.
 75. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5214, лл. 1 с об.
 76. Цит. по: А.Н.Хейфец. Указ. соч., с. 87, 89.